

ПАМЯТЬ.
ЛЮДИ.
ВРЕМЯ.
ГОРОД,
КОТОРЫЙ
ОСТАЁТСЯ
С НАМИ.

СКВОЗЬ СУТОЛОКУ

АЛЕКСАНДЕР АРСЛАНОВ

ИСТОРИИ, КОТОРЫЕ ОСТАЮТСЯ.

Александр Арсланов

Сквозь сутолоку

<https://litres.ru/74133499>

SelfPub; 2026

Аннотация

«Сквозь сутолоку» — книга о памяти, времени и городе, который невозможно забыть. Через личные воспоминания, семейные истории и очерки Александр Арсланов возвращает читателя в Уфу конца советской эпохи и первых лет новой России. Старые дворы, школьные годы, друзья, учителя, родные и простые люди складываются в живую историю поколения. Это не только рассказ о прошлом, но и попытка сохранить атмосферу исчезающего города, показать, как из повседневных событий рождается большая человеческая история. Книга основана на личных воспоминаниях автора. Некоторые имена и отдельные обстоятельства изменены в целях сохранения частной жизни. Иллюстрации созданы автором на основе фотографий из личного архива, часть выполнена с использованием технологий генеративного искусственного интеллекта и цифровой художественной обработки.

Содержание

Предисловие	5
Эхо улиц Черниковки	9
Тётя Галя из Москвы	12
Кровь степей	16
Герои в седле Башкирские полки в войне 1812 года	19
Башкирская стрела в сердце Германии	23
Сборка жизни по инструкции папы	26
Первый раз, в первый класс	32
Марат — мой друг детства	36
Между Нью-Йорком и Уфой	40
Утро длиною в жизнь	45
Остановка «Детский мир» и Гостиный двор магазин Детский мир в Уфе	48
Двухкассетное детство	51
Остановка кинотеатр Родина или военная тайна	54
Я иду по улице Карла-Маркса	59
Посвящается Арсланову Роберту	63
Мутигулловичу	69
Когда звучат башкирские песни	74
Конец ознакомительного фрагмента.	75

СКВОЗЬ СУТОЛОКУ

Предисловие

ПАМЯТЬ.
ЛЮДИ.
ВРЕМЯ.
ГОРОД,
КОТОРЫЙ
ОСТАЁТСЯ
С НАМИ.

СКВОЗЬ СУТОЛОКУ

АЛЕКСАНДЕР АРСЛАНОВ

УФА
ГОРОД МОЙ

Эта книга — о людях.

О тех, кто жил и живёт в Уфе. О тех, чья жизнь проходила тогда и продолжается сегодня — шумная, тесная, порой тяжёлая, но всегда настоящая.

Про родителей, которые вставали рано утром на работу и возвращались домой уставшими, но всё равно находили силы на семью. Про соседей, знавших друг друга десятилетиями. Про дворовых друзей. Про случайных людей, которые однажды появились в жизни и почему-то остались в памяти навсегда.

Тогда никто не пытался казаться особенным. Люди просто жили.

Работали на заводах и в институтах, ездили в переполненных автобусах, стояли в очередях, гуляли вечерами во дворах, копили на мебель, ждали праздников и верили, что всё впереди.

В каждой семье были свои разговоры, свои привычки, свои радости и свои трудности. Но было что-то общее — ощущение времени, в котором люди были ближе друг к другу.

Уфа тех лет состояла именно из таких людей.

Из инженеров, учителей, водителей, врачей, рабочих, студентов, военных, продавщиц, дворников и соседских бабушек у подъезда. Из тех, кто создавал обычную жизнь большого города.

И память почему-то хранит не громкие события.

А голоса.

Стук посуды на кухне поздним вечером. Смех во дворе. Разговоры родителей. Радио за стеной. Скрип снега зимой. Звон бутылок из молочного магазина по утрам.

Со временем понимаешь: именно из таких мелочей и складывается жизнь.

«Сквозь сутолоку» — это рассказы о людях, которых уже, может быть, давно нет рядом, но без которых невозможно представить ни этот город, ни то время.

Они жили в Черниковке, в центре Уфы, в Сипайлово, на проспекте Октября, возле заводов, парков, старых кинотеатров и трамвайных линий.

У каждого была своя история.

Эта книга — попытка сохранить хотя бы часть из них.

Эхо улиц Черниковки

В типичном советском городе, где был типичный советский кинотеатр и шёл типичный советский фильм, в обычной инженерной семье родился я.

Первые недели моей жизни прошли в Черниковке.

Тогда я, конечно, ещё ничего не понимал. Но со временем этот район стал для меня чем-то большим, чем просто частью Уфы.

У Черниковки всегда было своё лицо.

Широкие улицы, сталинские дома, дворы с высокими деревьями, длинные аллеи — всё здесь казалось основательным и спокойным. Эти дома не старались выглядеть красивыми. Их просто строили на совесть.

Особенно запоминались старые «сталинки». С колоннами, тяжёлыми фасадами, просторными подъездами и широкими лестницами. В детстве они казались огромными.

Иногда было ощущение, что ты живёшь не в Уфе, а где-то в другом советском городе — в Минске, Ленинграде или даже Москве пятидесятих годов.

Но Черниковка при этом оставалась своей. Очень простой и очень живой.

Больше всего мне запомнились зимы.

Перед Дворцом культуры имени Орджоникидзе каждый год строили ледяной городок. Туда сходилась весь район. Де-

ти катались с горок, взрослые гуляли вдоль ёлок, играла музыка, а на морозе пахло мандаринами и мокрыми варежками.

По Первомайской улице люди шли непрерывным потоком — шумные, румяные от холода, с пакетами, санками и детьми за руку.

Сам Дворец Орджоникидзе всегда казался чем-то особенным. Колонны, большая площадь перед входом, полукруглая улица рядом — всё это запоминалось как центр целого мира.

Неподалёку был кинотеатр «Победа». В другую сторону — Парк Победы и северный автовокзал. Здесь всё находилось рядом, и весь район жил будто одной общей жизнью.

Летом во дворах до позднего вечера сидели соседи. Открытые окна светились жёлтым светом, где-то играло радио, кто-то чинил машину возле дома, дети гоняли мяч между деревьями.

Тогда никто не думал, что всё это однажды станет воспоминанием.

Сейчас многое изменилось. Но Черниковка умеет хранить прошлое.

Иногда достаточно просто пройти по знакомой улице — и память сама начинает возвращать голоса, лица и давно забытые детали.

Наверное, поэтому люди, выросшие здесь, никогда до конца не уезжают.

А вместе с этими улицами в памяти остаются и люди. Те

самые, без которых невозможно представить ни своё детство, ни сам город.

Черниковка — это не просто район. Это целый пласт уфимской урбанистики, где прошлое и настоящее идут рядом. И если вслушаться, то между колонн и балконов можно услышать голоса тех, кто жил здесь десятилетиями, и чьи воспоминания, как и мои, навсегда вплетены в её улицы.

Одна из таких историй — о Тёте Гале из Москвы. Она появилась у нас неожиданно, почти как персонаж из другого времени и другого мира, но так точно легла в черниковскую ткань, что теперь уже невозможно представить без неё и этот дом, и этот двор.

Тётя Галя из Москвы

Тётя Галя из Москвы приезжала к нам в Башкирию часто. Гостила и в Черниковке — иногда раз в год, а бывало, и чаще. Мы всегда ждали её с нетерпением. Она привозила подарки, московские новости и своё хорошее настроение. С её приездом дом сразу становился теплее и оживлённее.

Помню, однажды, ещё в детстве, тётя Галя вместе с дядей Славой подарили мне настоящий кожаный футбольный мяч. Новый, тугой, пахнувший кожей — для мальчишки это было настоящее счастье. Я почти не выпускал его из рук. Брал с собой на старый стадион «Труд», там, где сейчас стоит Уфа-Арена. На поле тренировались ребята из папиного заводского цеха, а я бегал рядом и старался быть похожим на взрослых.

Этот мяч остался со мной на долгие годы. Я берег его как память о детстве. А потом, когда родился сын Бенжамин, начал учить его первым ударам именно этим мячом. Со временем кожа потрескалась, потом мяч и вовсе проткнулся — починить его уже не удалось. Позже мой друг Семён подарил Бенжамину другой мяч, новый. Но тот, старый, кожаный, навсегда остался для меня особенным.

Сегодня у тёти Гали юбилей. И мне хочется сказать ей простые, но самые важные слова: дорогая тётя Галя, с днём рождения! Здоровья тебе, спокойствия, семейного тепла и

ещё многих счастливых лет. Спасибо за твою доброту, за заботу и за те воспоминания, которые остаются с нами на всю жизнь. Мы тебя любим и всегда ждём в гости.

Память — странная вещь. Иногда она хранит старый мяч, забытый когда-то во дворе, а иногда — голоса, лица и истории, уходящие корнями далеко в прошлое. И сегодня я понимаю: тётя Галя для меня — не только часть детства, но и живая связь с нашей семьёй, с родом, с памятью, которая передаётся через годы.

Так и рождается рассказ — «Кровь степей».

Все началось
с любви к лошадям
и просторам родной
земли.

Время идет,
но верность
своим увлечениям
остается.

Любопытство и чувство
юмора открывают
новые места
и знакомства.

Первые шаги
в детстве –
самые важные.

Друзья рядом
делают путь
интереснее и легче.

Мечты
начинаются в детстве
и ведут нас
через всю жизнь.

Каждый этап – это часть пути.

Кровь степей

«Мин башкорт» — я башкир. Наверное, уже в этих словах и есть ответ на вопрос, который мне задают всю жизнь: почему я так люблю лошадей?

Эта любовь появилась раньше, чем я научился понимать себя. В нашей семье никто не держал табуны, не работал с лошадьми. Но стоило мне увидеть коня — живого, на фотографии или даже в детской книжке, — внутри будто что-то отзывалось. Сердце начинало биться быстрее, а мысли уносили куда-то далеко, туда, где ветер идёт по степи.

Моей самой любимой игрушкой была деревянная лошадка на палке. Простая, детская — с нарисованными глазами и растрёпанной гривой. Для кого-то игрушка, а для меня — настоящий друг. Я называл её Сивка. Носился с ней по двору, по квартире, по лесным тропинкам и представлял себя всадником, скачущим по бескрайней башкирской степи. Иногда мне даже казалось, что под ногами действительно дрожит земля от копыт.

По вечерам дома часто играла старая пластинка:

«Эх, тачанка-ростачанка, Наша гордость и краса»

Эти слова я помнил наизусть. Тогда я ещё не понимал, почему они так цепляют душу. Теперь понимаю: память рода живёт где-то глубже слов. Она приходит через музыку, запах травы, через звук далёких копыт.

Первую настоящую лошадь я увидел у родственников в деревне — кажется, на родине одного из дедушек, то ли в Хайбуллинском районе, то ли в Архангельском. Я был совсем маленьким, многое стёрлось из памяти, но тот день помню до сих пор.

Лошадь звали Агидель.

Гнедая, высокая, спокойная. В её глазах было что-то человеческое — умное и внимательное. Другие дети побаивались к ней подходить. А ко мне она подошла сама. Медленно, без страха. Остановилась рядом и положила тёплую морду мне на грудь.

Я тогда замер.

В тот момент мне показалось, будто со мной заговорила сама степь. Не словами — ощущением. Как будто через эту лошадь меня узнали те, кто жил задолго до нас: люди, для которых конь был не просто животным, а частью жизни.

Наверное, именно тогда я впервые почувствовал, что это не просто детское увлечение. Это что-то глубже.

Быть башкиром — значит по-особенному чувствовать землю, ветер, дорогу. И по-особенному относиться к лошади. Её нельзя заставить любить человека. Она сама выбирает, кому довериться.

Прошли годы, но иногда я слышу стук копыт или чувствую запах нагретой солнцем травы — и внутри снова просыпается тот самый мальчишка с деревянной лошадкой. Снова звучит старая песня. Снова рядом Агидель.

И тогда душа будто возвращается домой.

Туда, где степь уходит за горизонт. Где небо кажется бесконечным. Где в человеке ещё жива память предков.

Где течёт кровь степей.

Герои в седле Башкирские полки в войне 1812 года

Башкирские полки в Отечественной войне 1812 года: История моего народа

Авторская колонка

Сегодня утром один из читателей посоветовал мне глубже изучать историю народов и «подготовиться как следует».

Что ж, я только за.

Я всегда готов к критике — если она по существу. Если она помогает понять больше, разобраться, задать себе нужный вопрос — значит, она работает.

Замечу, что ещё в школе я учился по учебникам и атласам Республики Башкортостан. Их главным редактором был мой дедушка — Роберт Мутигуллович Арсланов. И я с гордостью читал его имя на обложке.

По истории родного края у меня всегда было «отлично». Не потому что просто хорошо учился — а потому что чувствовал: это моя история.

Жаль только, что он потом стёр свою рецензию — скромность, наверное. А ведь для меня она была важна.

Так вот — история моего народа — вот она, перед вами.

Опора государства

С момента вхождения Башкортостана в состав Российско-

го государства башкирские воины стали неотъемлемой частью его военной системы. Они участвовали в кампаниях на Крым, Литва, Азов, Кавказ, воевали в Семилетней войне. Башкир ценили за выносливость, быстроту, знание местности и умение действовать в сложных условиях.

1812 год. Когда враг у ворот

Когда армия Наполеона вторглась в Россию, Башкортостан не остался в стороне. В действующую армию были направлены 28 башкирских полков — более 20 тысяч человек. Основу этих соединений составляла лёгкая кавалерия — всадники, обученные сражаться в движении, внезапно атаковать, быстро отходить, вести разведку и устраивать засады.

Это была иррегулярная конница — не по линейному уставу, а по собственным воинским традициям. Башкирские всадники были мобильны, закалены и выносливы, привычны к дальним переходам и действиям в тылу врага.

Вооружались они луками, копьями, саблями, иногда мушкетерами. В отличие от регулярной армии, где действовали батальонами и по команде, башкиры сражались по-иному: налётами, манёврами, подвижными отрядами. Они не только обеспечивали фланговую охрану, но и тревожили французские коммуникации, разрушая планы противника.

Именно такой тип кавалерии оказался незаменим в условиях войны с быстрым и изворотливым врагом, каким была армия Наполеона.

Под Лейпцигом — дальняя битва

В 1813 году башкирские полки двинулись на запад — в составе русской армии, освободившей Москву. Они прошли через Польшу и Пруссию и участвовали в Битве народов под Лейпцигом. Это было крупнейшее сражение XIX века.

Башкирская кавалерия не стояла в линейных рядах. Она действовала на флангах, в разведке, перехватывала отступающие части, устраивала налёты. Их мобильность помогала союзникам окружать и дезорганизовывать войска Наполеона.

Свидетельства и память

Упоминания об участии башкир под Лейпцигом хранятся в Башкирском краеведческом музее. В фондах — списки полков, обрывки писем, образцы вооружения и военной одежды. Там — подлинные следы большой дороги.

В деревнях до сих пор рассказывают о воинах, не вернувшихся домой. Их имена — в памяти семей. Их подвиг — в нас.

Это не чужая история

Для кого-то — просто эпизод войны. Для меня — семейная история. История земли, на которой я вырос. История, которую когда-то описывал мой дед.

И если вы спросите — зачем мне всё это?

Отвечу просто: чтобы помнить, кем мы были. И знать, кем мы можем быть.

Военный и Германский

Военный и Германский сигнальный маяк в Петербурге. Построен в 1812-1814 годах. Высота 100 футов. На вершине маяка вращается шар, который освещается в темноте. Маяк был построен в память о войне 1812 года. Маяк был построен в память о войне 1812 года. Маяк был построен в память о войне 1812 года.

1

2

3

- 1. Медаль 1812-1814 гг. За участие в войне 1812-1814 гг.
- 2. Знак отличия Военного ордена Святого Павла (орден Святого Павла).
- 3. Знак отличия Святого Павла.

Башкирская стрела в сердце Германии

Башкирский след в Шварце

В октябре 1813 года, в ходе освободительных войн против Наполеона, в районе Лейпцига произошло одно из крупнейших сражений XIX века — Битва народов. В этом сражении приняли участие и четыре башкирских полка: 4-й, 5-й, 9-й и 14-й. Это были лёгкие кавалерийские части, вооружённые луками, саблями и копьями. Французский генерал Жан-Батист де Марбо вспоминал в своих мемуарах о необычайной храбрости башкир и называл их «северными амурами» — за мастерское владение луком.

Отряды башкир прошли с боями от Польши до Саксонии. Вместе с мужчинами в поход нередко отправлялись и женщины — жёны. Некоторые из них были беременны. Историки отмечают, что башкирские женщины рожали детей под пушечные залпы, на марше, под дождём, среди дыма и пепла. Это были не просто сопровождение — это была часть народа, живущего даже в условиях войны.

После победы союзных армий, весной 1814 года, башкирские части проходили через земли Тюрингии. В апреле они остановились в селении Шварца, где их приветствовал принц Карл Гюнтер фон Шварцбург-Рудольштадт. Он был

впечатлён внешним видом экзотических всадников, особенно их луками, которые казались ему устаревшими по сравнению с европейским огнестрельным оружием.

Согласно местному преданию, принц выразил сомнение в точности башкирского оружия и предложил им продемонстрировать его силу. Башкиры сначала отказались: по их традиции, стрелять в сторону храма — грех. Однако местный пастор, присутствовавший при разговоре, дал своё разрешение. Тогда один из башкирских воинов — по разным версиям, старшина или сотник — вышел на расстояние около 100 метров от церкви, натянул тетиву и выпустил стрелу.

Стрела попала точно в шар на вершине церковной башни — и застряла там. Это место — купольный шар церкви в Шварце — хранит в себе наконечник башкирской стрелы по сей день. Местные жители называют её «татарской» или «восточной», но архивные свидетельства и устная традиция прямо указывают на башкирское происхождение воина.

Некоторые из участвовавших в тех событиях башкир были награждены за храбрость орденами. Среди них: войсковой старшина 5-го полка Ибрагим Биксурин, есаул 9-го полка Кутлукильде Ишимгулов, сотник Аккусюк Тимербаев, командир 14-го полка Абдулла Сурагулов и другие. Хорунжий 5-го полка Нигматулла Газеев был удостоен ордена Святого Георгия.

Сегодня немногие туристы, приезжающие в Тюрингию, знают о стреле в шпиле кирхи. Но для историков это — сим-

вол того, как далеко простирался путь народов России в великой борьбе против Наполеона. Это след не только военного участия, но и человеческой жизни: женщин, рождённых под выстрелы, детей, сделанных на привалах, и культуры, оставившей свой знак в сердце Европы.

Сборка жизни по инструкции папы

Иногда достаточно одного движения памяти, чтобы словно повернуть ключ в давно закрытом ящике.

Так случилось и 1 июня, в День защиты детей. Что-то щёлкнуло внутри — и перед глазами возникла картина: я, совсем маленький, держу отца за руку. Ветер колышет полы его пиджака. Он показывает охраннику на проходной удостоверение. Турникет коротко щёлкает. Его пропускают. Меня — нет.

Я давно хотел записать эту историю, но всё откладывал. А она возвращалась снова и снова — вместе с запахом весенней пыли, звонким смехом детей во дворе и старой фотографией, где мы с отцом гуляем, словно стоим на границе двух миров — детского и взрослого.

Мой отец — Наиль Робертович Арсланов. Инженер, начальник цеха на одном из заводов Уфы. Сегодня он уже на заслуженной пенсии.

После развода родителей он не исчез из моей жизни. Наоборот, стал ближе. Не в ежедневном быту, не в бесконечных разговорах, а в том, что остаётся с человеком навсегда.

Во время наших прогулок по Уфе он учил меня по задним фонарям узнавать марки автомобилей.

— Вот «Москвич». У него круглые фонари. У «Запорожца» — совсем маленькие. У «Чайки» — длинные, почти как

у корабля. А это ЗИЛ. Запомни, таких становится всё меньше.

Мне было всего пять лет. Но я запоминал не столько машины, сколько его спокойный голос, жесты, паузы между словами.

Теперь понимаю: он учил меня не автомобилям. Он учил замечать детали.

Потом появились самолёты. Ещё до того, как я впервые поднялся в небо на Ан-2 и позже полетел на Ту-134, отец показывал фотографии разных машин.

— Вот Як. Лёгкий, манёвренный. А это Ту — спокойный и надёжный, словно поезд в небе. У каждого своё предназначение.

Тогда мне казалось, что речь идёт только о самолётах.

Лишь спустя годы я понял: он говорил и о людях.

Однажды мы с мамой проводили его до заводской проходной. Он привычно показал удостоверение. Турникет щёлкнул. Ворота закрылись, и отец исчез за ними.

Я остался по другую сторону.

Именно тогда впервые почувствовал, что существует мир взрослых — важный, серьёзный, но пока недоступный. Между мной и этим миром стояли не только турникет и охрана. Нас разделяли возраст и непонимание.

Но совсем рядом находился другой мир.

Во Дворце культуры завода каждый Новый год проходили лучшие детские ёлки города. Хороводы вокруг высокой ёл-

ки, запах мандаринов, ватный снег, сказочные герои, музыка и смех.

Эти праздники устраивали для детей тех самых людей, которые каждое утро проходили через заводской турникет.

И сегодня мне кажется удивительным этот контраст: за проходной — ответственность и работа. В нескольких шагах — настоящее детское счастье.

Наверное, именно так и выглядело моё детство.

Теперь понимаю главное.

Отец защищал меня не громкими словами и не нравоучениями. Он просто был рядом. Работал. Держал слово. Жил честно.

И незаметно собирал мою жизнь по своим простым правилам.

Наверное, именно поэтому я сам стал человеком, который замечает детали. Писателем, для которого важны человеческие истории. Сыном, который помнит.

Каждый год 1 июня я думаю об одном.

Лучшая защита ребёнка — это человек, рядом с которым он уверен: всё будет хорошо.

У меня такой человек был.

И есть.

Мой отец.

Наиль Робертович Арсланов.

И тогда я понял простую вещь.

Если бы мы с отцом оказались там вместе, мы всё равно

узнали бы свой парк.

Потому что настоящая защита — не место.

Настоящая защита — это человек, который идёт рядом.

Первый раз, в первый класс

1 сентября. Как я пошёл в первый класс — припоминаю уже смутно. В памяти всплывают фрагменты, как будто старые фотографии в альбоме: торжественная линейка, свежий запах школьной формы, белые банты и букеты гладиолусов. Помню, как гордо стояли рядом мои родители, а я крепко сжимал в руках цветы. Кто-то из старшекласников торжественно нёс на плече первоклассницу с колокольчиком — этот звон навсегда остался в памяти, как символ начала новой жизни.

Школа была новая — 9, только что открылась. Тогда ввели только башкирские классы, в которые я, к сожалению, не попал. Позднее появились классы с разными уклонами — сначала математические, затем юридические, а уже после меня — украинские. Кажется, потом школу даже переименовали в честь Тараса Шевченко.

Первую учительницу я почти не помню — она вскоре ушла в декрет. Но потом в нашу жизнь пришёл настоящий Учитель с большой буквы — Ермакова Любовь Михайловна. Она была не просто педагогом, а душой нашего класса. Помимо уроков, она устраивала вечера, праздники, дни рождения — с ней школа становилась вторым домом. Помогал ей в этом и родительский комитет, и её супруг. А за одной партой со мной сидела её дочка — мы дружили, спорили, учи-

лись вместе. Думаю, сегодня такое было бы сложно организовать с педагогической точки зрения, но она справлялась. Наш класс был дружным, почти семьёй. Когда после третьего класса мы расстались, было очень жаль — это была моя начальная школа.

Позже, с пятого по девятый класс, я учился в математическом классе под руководством Пономарёвой Венеры Амировны — сильного педагога, директора школы, талантливого математика. Но прежде всего — человека с большим сердцем. Она стала для нас второй мамой. Под её руководством мы не просто изучали точные науки — мы учились думать, дружить, быть честными. В её классе каждый чувствовал себя нужным и важным. Её строгая, но справедливая забота о нас оставила след на всю жизнь.

А в старших классах, с десятого, я перешёл в экономический профиль — времена и интересы менялись.

Теперь уже у наших детей всё иначе. Первая линейка у моего сына Бенжамина прошла в самом центре Берлина, в Русском доме культуры и науки на Фридрихштрассе. Там представители посольства торжественно вручали учебники и подарки, школа была с именем великого Ломоносова. Всё было торжественно, дети — нарядные, в строгих костюмах с эмблемой школы, как и мы когда-то, только теперь это было в другой стране и другом веке.

С первого шага было ощущение дисциплины, уважения, определённого кодекса чести. Образование предстояло сра-

зу по двум программам — от Министерства образования РФ и Сената Берлина. Ведь школьную программу в Германии определяет федеральная земля. Пожалуй, 1 сентября моего сына я помню даже лучше, чем своё — не столько из-за давности событий, сколько из-за их значимости и свежести воспоминаний.

А помнишь свою первую линейку, читатель? Когда всё только начинается, галстук — как билет в новую жизнь, и сердце стучит громче барабана.

Марат — мой друг детства

Есть люди, которых время не стирает из памяти.

Сколько бы лет ни прошло, стоит услышать их имя — и перед глазами снова возникает двор, знакомые дома, шум детских голосов и ощущение, будто всё это было только вчера.

Марат — именно такой человек.

Мы выросли на одной улице — на Авроре, в соседних подъездах. Детство прошло рядом: общие игры, разговоры, первые мечты. Уже тогда было видно, что у каждого из нас свой путь, но некоторые увлечения объединяли особенно крепко.

Марат жил картингом.

Он не просто участвовал в соревнованиях — он по-настоящему любил скорость. После каждого заезда мог часами рассказывать о трассе, поворотах, удачных манёврах и секундах, которые решали исход гонки. В его глазах горел такой азарт, что невозможно было остаться равнодушным.

Каждый вираж становился отдельной историей.

Когда наша семья переехала с Авроры, мне долго не хватало того двора, друзей и привычного круга общения. Но Марат всегда оставался человеком, на которого хотелось равняться. Возможно, именно его увлечение подтолкнуло и меня к мотоспорту. Любовь к технике и скорости стала ча-

стью моей жизни. Впрочем, это уже совсем другая история, которую я обязательно расскажу отдельно.

Всегда с уважением вспоминаю и его семью.

Отец Марата был человеком удивительного мастерства. Казалось, для него не существовало неисправностей — любую машину он мог вернуть к жизни. Его младший брат тоже вырос настоящим мастером: постоянно что-то ремонтировал, придумывал, совершенствовал. Это были люди, которые умели работать руками и получали от этого настоящее удовольствие.

Сегодня таких мастеров становится всё меньше.

Сегодня у Марата день рождения.

Он сумел сохранить самое главное — свою семью. В наше время, когда многие не выдерживают жизненных испытаний, он остаётся человеком надёжным, верным и ответственным. Именно поэтому хочется пожелать ему крепкого здоровья, долгих лет жизни, семейного счастья, благополучия и неизменного душевного тепла.

Особенно радует, что наша дружба не закончилась вместе с детством.

Мы живём в разных городах и странах, но каждую неделю стараемся встретиться в видеоконференции. За экраном снова собирается наша старая компания: Марат, Катюха, Дональд, Муся и я. Мы вспоминаем школьные годы, рассказываем новости, смеёмся, спорим и обязательно поём.

Русские, башкирские, татарские песни звучат так же ис-

кренне, как когда-то во дворах нашего детства.

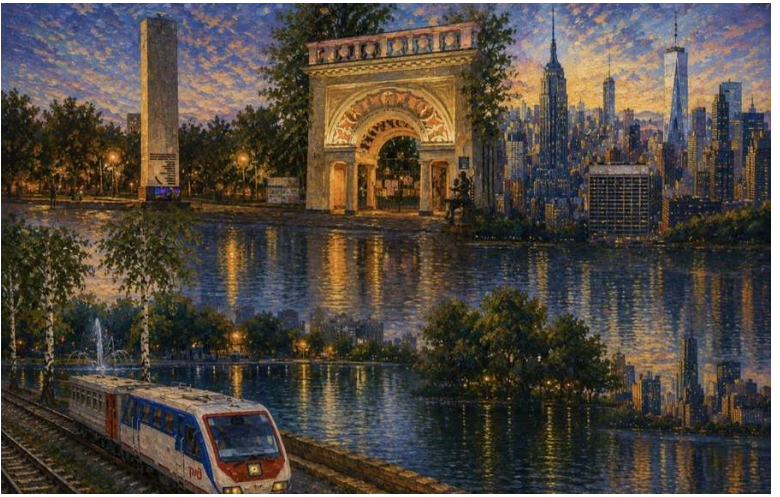
Наверное, именно в такие моменты особенно ясно понимаешь: настоящая дружба не измеряется расстояниями. Она живёт не в фотографиях и не в воспоминаниях, а в желании снова и снова находить время друг для друга.

Годы меняют города, профессии и судьбы.

Но если спустя десятилетия можно просто набрать знакомый номер, услышать родной голос и почувствовать себя тем самым мальчишкой с улицы Авроры — значит, дружба выдержала главное испытание.

С днём рождения, Марат.

Спасибо за наше детство, за верность, за память и за то, что настоящие друзья всё-таки существуют. Пусть впереди будет ещё много добрых встреч, семейных праздников и вечеров, когда мы снова соберёмся вместе, чтобы вспомнить, откуда началась наша история.

Между Нью-Йорком и Уфой

Я родился в начале восьмидесятых, и моё детство прошло в Уфе, тогда ещё столице Башкирской АССР. В городе было немало любимых мест — парки, скверы, тихие улицы, — но одно из них навсегда осталось частью моей памяти. Это парк имени Ивана Степановича Якутова.

Сегодня он совсем другой. И, пожалуй, в этом его особенность: парк умеет меняться, не теряя самого себя.

В детстве он казался мне отдельным миром. Миром, где всё было настоящим: аттракционы, маленькие поезда, запах листвы и ощущение беззаботного счастья. Особенно запомнилась детская железная дорога. До сих пор помню, как поезд проходил мимо Дворца пионеров, где работала моя мама. Тогда мне казалось, что стоит однажды оказаться в кабине машиниста — и можно уехать прямо в будущее.

Мы часто гуляли к Солдатскому озеру. Я подолгу всматривался в прозрачную воду, надеясь увидеть большую рыбу. У старой каменной пристани были тяжёлые железные перила, прохладные даже в жаркий день. Мы садились на самый край, болтали ногами и бросали в воду хлеб.

Сегодня парк не узнать. Бесплатный Wi-Fi, современные дорожки, вечерняя подсветка, уютные кафе и ресторан на месте старой пристани. А когда сидишь у Солдатского озера и смотришь на отражения новых уфимских высоток, неволь-

но возникает ощущение, будто находишься не в Уфе, а где-нибудь рядом с Центральным парком Нью-Йорка. Настолько современным стало это место. И всё же оно осталось тем самым парком моего детства.

Здесь по-прежнему горит Вечный огонь — мемориал памяти защитников Родины. Вечером становится особенно тихо. Пламя мерцает, люди говорят вполголоса, и кажется, будто время ненадолго замедляет свой бег.

Неподалёку, на территории действующей пожарной части, работает небольшое кафе «Дежурное». Оно давно стало любимым местом не только для огнеборцев, но и для всех, кто ценит простую, спокойную атмосферу.

История этого парка удивительно похожа на историю самой Уфы — только в миниатюре.

В XIX веке здесь находился сад Общества трезвости. Играл духовой оркестр пожарного общества, возвышалась каланча, а в 1912 году прошли первые в Уфе футбольные матчи. В 1918 году парк получил имя Ивана Якутова, а позже здесь появились захоронения красногвардейцев и рабочих, погибших в боях с отрядами атамана Дутова.

В тридцатые годы очистили озеро, открыли Дом пионеров и детскую железную дорогу. Во время войны рядом работал госпиталь. Затем появились спортивные школы, новые павильоны и мемориалы.

Сегодня здесь гуляют семьи с детьми, катаются на самокатах, сидят у воды с чашкой кофе. Парк стал современнее,

но если ты помнишь его прежним, узнаешь сразу. Аллеи, деревья, запахи — всё осталось. Они просто повзрослели вместе с нами.

Каждый раз, приезжая в Уфу, я обязательно прихожу сюда. Просто посидеть. Просто посмотреть на воду. Просто вспомнить.

Парк имени Якутова — это не просто городской парк. Это место, где начиналось моё детство. Где, несмотря на прошедшие годы, мне снова удаётся ненадолго стать тем мальчишкой, который мечтал однажды стать машинистом.

Именно здесь, сидя на скамейке у Солдатского озера, я часто вспоминаю лето перед первым классом. Тогда наша семья переехала в Кировский район. Начиналась новая жизнь: новый двор, новые друзья, новая школа. За спиной был рянец, впереди — неизвестность, а в груди жило то особое волнение, которое бывает только однажды — когда идёшь в первый класс.

Утро длиною в жизнь

Я просыпался рано — ровно в шесть утра, будто в доме жил невидимый будильник. Едва открывал глаза, как с кухни уже доносился знакомый звук — старенькое радио, которое включалось само, стоило стрелке часов дотронуться до отметки «06:00». Сначала звучал гимн Советского Союза — величаво, немного торжественно, как открытие чего-то большого и общего. Потом голос диктора говорил: «Доброе утро!» — и с этими словами просыпался не только дом, но и целая страна.

Я вставал тихо, почти бесшумно, стараясь не выдать себя ни скрипом пола, ни шорохом одежды. Школьная форма ждала меня на стуле — выглаженная, аккуратная, будто собранная в дорогу. Я одевался быстро, по-деловому, как взрослый, и потом, с особым удовольствием, обратно ложился под одеяло — так, чтобы выглядело, будто я всё ещё сплю. Мне нравилось представлять, как мама заглянет и подумает: «Какой молодец, не встал ещё» — а я уже готов идти навстречу дню. В этой маленькой хитрости было что-то от детской гордости: желание удивить, быть чуть старше своих лет.

После завтрака — хлеб с маслом и чай, а иногда и манная каша — меня ждал короткий, но обязательный ритуал: пятиминутный мультфильм в программе «Доброе утро». Пять минут, которые казались целым миром. Они задавали на-

строение, окрашивали утро в особые краски — спокойные и добрые.

Портфель на плечо — и я уже на улице.

Школа 9 находилась всего в пятистах метрах от дома, но для меня эта дорога была не просто прогулкой — она казалась целым событием. Маленьким, но важным путешествием, которое я совершал каждый день. Под ногами мягко и звонко хрустел снег — чистый, свежий, будто только что рассыпавшийся из самого неба. Он скрипел не одинаково: где-то тонко, как стекло, где-то глухо и упруго. Этот звук был самой музыкой зимнего утра.

Дворы утопали в белом. Машин почти не было — редкая «Волга» или «Жигули» дремали под снежными шапками. Из труб тянулись тонкие струйки дыма, пахло морозом и хлебом. Деревья стояли неподвижно, словно сами прислушивались к этой зимней тишине.

Я шёл и повторял про себя стихотворение: «сегодня» нужно будет читать его у доски. Сердце билось чуть быстрее обычного — не от страха, а от предвкушения. Строки то сбивались, то снова складывались в правильный ритм. Шаг — строка, шаг — строка. Иногда меня догоняли соседские ребята, и мы шли рядом, болтая о пустяках. И эти разговоры — такие простые, такие лёгкие — казались чем-то бесконечно важным.

Школа появлялась за углом — панельное двухэтажное здание небесно-голубого цвета. Окна светились жёлтым, как

тёплые квадраты тепла в холодном утреннем мире. Казалось, она зовёт нас внутрь, в шум и смех, в мел и уроки, в жизнь, где всё только начинается.

Внутри пахло мелом, мокрыми варежками и старым деревом. Деревянные парты стояли ровными рядами, а у стены тянулась коричневая доска с белыми следами вчерашних задач. С потолка мягко потрескивала лампа дневного света, и всё вокруг казалось чуть торжественнее, чем обычно.

У доски ждала Ермакова Любовь Михайловна — строгая и вместе с тем добрая. Её взгляд был внимательным и серьёзным, но в уголках губ пряталась тихая, ободряющая улыбка. Она кивнула мне — пора.

Я вышел вперёд. Перед глазами — класс, одноклассники, окна с инеем, за которыми по-прежнему падал снег. Глубокий вдох — и первые строки. Они сами ложились на язык, словно жили во мне всегда. Голос звучал уверенно, и в нём было не только волнение, но и радость. Радость того, что я стою здесь, что меня слушают, что всё это — часть большой, пока ещё непостижимой жизни.

Теперь, оглядываясь назад, я понимаю: в том утре было всё. И первые шаги к самостоятельности, и вкус радости, и дыхание времени, которое казалось бесконечным. Дорога длиной в пятьсот метров, коричневая доска, голос строгой и доброй учительницы — всё это было не просто частью детства. Это была сама жизнь, ещё маленькая, но уже настоящая. И она только начиналась.

Остановка «Детский мир» и Гостиный двор

Каждый раз, приезжая в Уфу, я не задумываюсь, куда пойти. В городе множество кафе и уютных мест, но мой путь почти всегда один — к остановке «Детский мир». Здесь пересекаются автобусные маршруты 1, 13, 18 и 31, а всего несколько шагов ведут к Гостиному двору. Я возвращаюсь сюда не ради модных заведений или хорошей кухни. Просто здесь находится моя точка памяти.

В старших классах мы часто встречались здесь с друзьями. Гуляли, смеялись, спорили, строили планы. Прошли годы, а привычка осталась. Каждый раз, оказываясь рядом, я вспоминаю Гостиный двор тех лет — заброшенный, окружённый забором, почти недоступный. Он притягивал своей загадочностью. Хотелось понять, что скрывается за этими стенами и почему одно из красивейших мест города оказалось забытым.

История Гостиного двора насчитывает почти два столетия. Когда-то здесь кипела торговля: продавали ткани, меха, хлеб, овощи и множество других товаров. Позже здание занял хлопчатобумажный комбинат, работавший до 1980-х годов. Затем наступили годы запустения. В самом центре Уфы появились руины, и казалось, что их уже не спасти. В девяно-

стые годы Гостиный двор едва не снесли, но горожане встали на его защиту. Так началось его возрождение.

Сегодня трудно представить, что на месте современной Верхнеторговой площади когда-то царила разруха. Теперь это один из главных центров городской жизни, где работают десятки магазинов, кафе и ресторанов. Рядом находятся Театральный сквер, Дом книги и сквер Ленина — места, без которых уже невозможно представить исторический центр Уфы.

Почти каждый мой приезд заканчивается в одном из кафе Гостиного двора.

За старинными стенами, среди мягкого света и аромата свежего кофе, время течёт иначе. Здесь можно встретиться с друзьями, спокойно подумать или просто наблюдать за жизнью города.

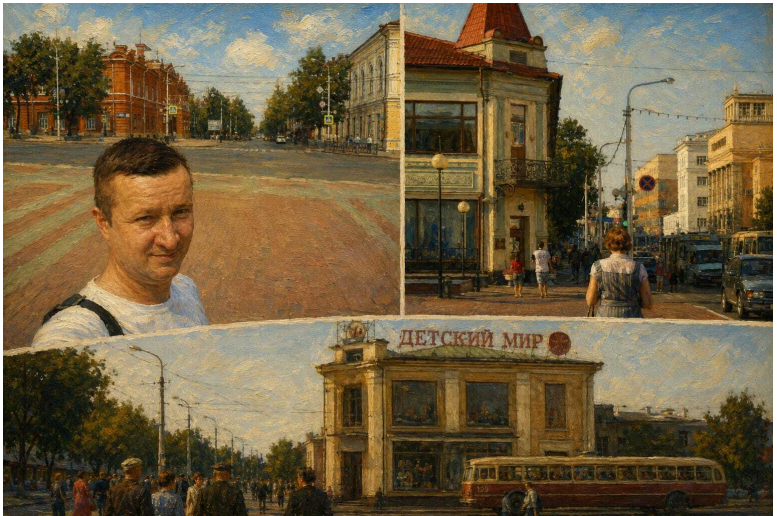
За окнами шумят улицы, спешат прохожие, проходят автобусы. А внутри — тихий звон чашек, негромкие разговоры и ощущение удивительного спокойствия. Кажется, стены, которым почти двести лет, до сих пор хранят память о купцах, рабочих и людях, благодаря которым это место не исчезло с карты города.

Я смотрю на знакомые арки и колонны и понимаю: Гостиный двор — не просто историческое здание. Это живая память Уфы. Он пережил расцвет, запустение и второе рождение, сумев сохранить свой характер.

Когда я допиваю кофе и выхожу на площадь, на душе ста-

новится тепло. Я знаю, что обязательно вернусь сюда снова — к остановке «Детский мир», к знакомым улицам, к месту, где прошлое незаметно встречается с настоящим.

Именно здесь, на этом перекрёстке памяти, уже многие десятилетия стоит ещё один символ города — магазин «Детский мир», знакомый нескольким поколениям уфимцев.

магазин Детский мир в Уфе

В детстве улица Ленина казалась мне почти бесконечной. Пыльный, раскалённый солнцем асфальт, фонари, выстроившиеся как солдаты, и высокие дома-великаны, будто охранявшие город. Мы часто гуляли здесь с папой. Иногда — с мамой. Но чаще всё-таки с папой.

Детский сад заканчивался около пяти. Папа приходил за мной — аккуратный, собранный, строгий, как и положено начальнику цеха. Мне тогда было четыре или пять лет. Мы шли, держась за руки, и почти всегда сворачивали к «Детскому миру».

Это был наш маленький ритуал. Магазин на улице Ленина казался мне настоящим дворцом. Не ярким и сказочным, а строгим и серьёзным. Но стоило спуститься в отдел игрушек, как открывался совсем другой мир.

Там всегда стоял особый шум: детский смех, топот, радостные крики и бесконечные переговоры с родителями.

— Папа, купи! Ну пожалуйста!— Мама, я без этого танчика не смогу жить!— Почему нельзя?

Этот хор я знал наизусть. Иногда и сам становился его частью — особенно когда привозили новые игрушки: танки с вращающимися башнями, металлические машинки с открывающимися дверцами, пожарные машины с выдвигной лестницей. Такие вещи не просто хотелось иметь — они сни-

лись по ночам.

Но один случай запомнился особенно.

Мы снова проходили мимо «Детского мира», и я вдруг сказал:

— Пап, давай просто зайдём. Я ничего не попрошу. Только посмотрю — и пойдём.

Папа удивился, прищурился и улыбнулся как-то по-особенному — с уважением, будто я вдруг стал немного взрослее.

Мы зашли. Я медленно ходил между полками, разглядывал игрушки, любовался машинками, которые так хотелось взять в руки. Но слово своё сдержал. Ничего не попросил.

Когда мы вышли, папа крепко пожал мне руку — не как маленькому мальчику, а почти по-взрослому. И я почувствовал, что он гордится мной. Тогда это оказалось гораздо важнее, чем зелёная БМП с гусеницами, стоявшая на нижней полке у выхода.

Прошли годы. Говорят, «Детский мир» на Ленина уже совсем не тот. Я давно там не был.

Но иногда ловлю себя на мысли: а что там теперь?

И сразу вспоминается папина тёплая рука, тихий вечер и тот магазин, где я впервые понял, что иногда сдержанное обещание может стать лучшим подарком.

Двухкассетное детство

Мы — поколение между лампочкой в подъезде и лампочкой в телевизоре «Рекорд».

И если закрыть глаза, можно снова услышать, как щёлкает кнопка Rec на двухкассетнике, и вся квартира замирает. Потому что сейчас с радио «Юность» будет записываться Modern Talking, и если кто-то кашляет — запись испорчена.

Мы помним, как пахнет перемотанная кассета.

В этом запахе немного железа, немного пыли и странная сладость старой советской мебели. И сразу возникает картина: магнитофон, красная кнопка записи, и семья сидит тихо-тихо — словно это не музыка пишется, а история.

Мы родились в эпоху, где слово «счётчик» значило больше, чем прибор на стене.

Если во дворе говорили: «у него пошёл счётчик» — все понимали, что дело не в электричестве. Это был язык дворовой экономики. Там вкладыш от жвачки мог стоить дороже десятки, а долг на два дня означал, что возвращать придётся с процентами — ещё одной пачкой или редкой наклейкой.

Наша валюта хрустела.

Не купюрами — жвачками.

Love Is. Turbo. Final.

Если попадался редкий вкладыш — с машиной, динозав-

ром или героем мультика — его аккуратно клали под стекло серванта, как медаль.

Повторы шли в обмен.

А обмен — это была целая наука.

Там были азарт, дипломатия и чувство справедливости. Настоящие переговоры, где каждый пытался доказать, что именно его вкладыш стоит дороже.

Купание — по субботам.

Не потому, что воды не было. Просто так жили. И никто не жаловался.

Все пахли одинаково: детским мылом, горячей ванной и полотенцем, нагретым на батарее.

Газовая колонка давала горячую воду минут двадцать. За это время нужно было успеть всё — умыться, вымыться и обязательно голову.

Новый год приходил дважды.

Первый — с мандаринами, ёлкой и обязательной речью по телевизору.

Второй — старый Новый год. С блинами, бабушкиными салатами и словами:

— Ну теперь уж точно год пошёл.

И именно во второй праздник было самое настоящее тепло. Без суеты и без ожиданий. Просто тихая радость, что семья рядом, дома тепло и впереди ещё один январь.

Пионерский галстук был не просто кусок ткани.

Это был знак.

Его завязывали как маленький ритуал. Если галстук терялся — почти трагедия. Мама могла сшить новый, но всё равно казалось, что все заметят подмену.

Не потому что накажут.

А потому что будет стыдно.

Потом — двор.

Мир без интернета, но с настоящими правилами.

Там были уважение, враги, дружба и первая любовь.

Мы играли в вышибалу, прятки, «секретики». Стояли часами у подъездов и решали, кому нравится Светка и кто умеет делать «турбо» на качелях.

Играли не ради победы.

Проигрывал — не плакал.

Выигрывал — не хвастался.

Потому что всё было по-настоящему.

Видеосалоны открывали другой мир.

Подвалы, фанерные стулья, простыня вместо экрана.

«Терминатор».

«Коммандо».

«Полиция Майами».

Пятнадцать копеек — и ты уже где-то далеко, за океаном.

Трещит проектор, кто-то шуршит пакетиком, и сердце бьётся быстрее.

Потом пришла Dendy.

Мир стал квадратным.

Марио, танчики, утки и пиксели.

Один джойстик на двоих — и никаких скандалов. Главное — не дёргай провод.

И не выключай телевизор резко, а то кинескоп сгорит.

Мы верили родителям.

Потому что тогда вообще верили.

Мы жили между эпохами.

Между последним советским мультфильмом и первой рекламой Orbit.

Между очередью за молоком и первой шоколадкой из Германии.

Между лампочкой в ванной и лампочкой памяти, которая горит до сих пор.

Мы не были богаты.

Но у нас было всё.

Просто мы тогда не знали, что однажды это станет прошлым.

Время уходило тихо.

Почти незаметно.

Как медленный танец, который заканчивается, пока звучит последняя кассета.

Остановка кинотеатр Родина или военная тайна

Когда мне было года четыре или пять, я был серьёзным человеком. Человеком, который умеет хранить тайны. Особенно военные — как любил подшучивать папа. Однажды он забрал меня из детского сада не в положенные 17:00, а прямо посреди тихого часа, когда все дети должны были мирно храпеть под одеялом с бегемотами.

— Сын, умеешь хранить военную тайну? — спросил он с заговорщицкой улыбкой.

— Конечно, умею, — ответил я с полной уверенностью, не подозревая, что нас ждёт. Но чувствовал: начинается что-то важное.

— Тогда марш на спецоперацию! Направляемся в... КИНО!

Кинотеатр «Родина» на улице Ленина был для меня чем-то вроде дворца. Только вместо короны — светящиеся буквы на фасаде, а вместо трона — красные кресла, которые коварно поднимались, если ты слишком лёгкий. Я прыгал в них как десантник, чтобы не вылететь вверх ногами. А папа смеялся и держал в руке самое заветное — мороженое в вафельном стаканчике, щедро посыпанное шоколадной крошкой. Тогда ни ваты, ни кукурузных палочек не было. Только

это — холодное счастье из фойе.

Перед фильмом, как по волшебству, включали мультфильмы. Никакой рекламы, только радость: «Ну, погоди!», «Котёнок по имени Гав», или «Чебурашка» с коробкой апельсинов. Я каждый раз верил, что мультик — это главное, а фильм потом, как бонус. И папа не спорил.

После фильма мы, как всегда, заходили в магазин филателии, что находился неподалёку, прямо на углу. Для меня это было продолжением праздника. В тот день я выбрал набор марок с машинами «Татра» — красные, синие, с большими фарами и грузом на платформе. Я рассматривал их, как будто это были настоящие модели, и думал, что, может, когда вырасту, буду на такой ездить.

С возрастом мы стали ходить туда с классом. Иногда — на утренники, где мультфильмы уже не крутили, и я ощущал утрату великой эпохи. Но по выходным — снова с папой, снова «Родина», снова мороженое в фойе и марки в кармане.

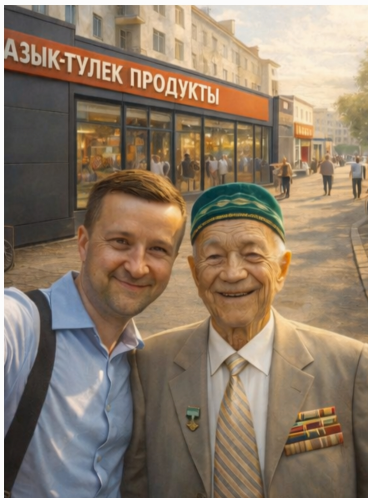
А потом случилось удивительное: я вырос. И внезапно оказался не в зрительном зале, а в самом фильме. Сначала — где-то на заднем плане, потом — в небольших ролях, а позже и в главных. Кто бы тогда мог подумать, что я окажусь по другую сторону экрана?

И всё-таки, каждый раз, когда вижу камеру, я вспоминаю то кресло в «Родине», которое подсакивало подо мной. Я сажусь, улыбаюсь про себя и говорю шёпотом, словно папе: — Военная тайна. Миссия продолжается.

Сейчас я живу далеко от родных мест — в длительной командировке. И от «Родины» тоже далеко. Но когда бываю в Уфе — стараюсь хотя бы пройтись мимо неё. Просто постоять рядом, глянуть на знакомый фасад и вспомнить себя маленького, с мороженым в руке и марками в кармане.

А был ли у тебя любимый кинотеатр, мой дорогой читатель?

Кинотеатр — где уютно и без шума. Как сборка жизни по папиной инструкции — основа, но жизнь всё равно вносит свои изменения. Как получается?

Я иду по улице Карла-Маркса

Есть улицы, по которым мы идём всю жизнь, даже если давно перестали ходить по ним физически. Для меня такой улицей стала Карла Маркса в Уфе.

Она — одна из старейших и самых известных улиц города. За десятилетия здесь менялись эпохи, вывески и люди, но для многих уфимцев она так и осталась частью личной истории. Моей — тоже.

В советские годы улица была одним из центров городской жизни. Здесь располагались магазины, учреждения, столовые, старинные дома с высокими окнами и лепниной. С раннего утра начиналась привычная городская суэта, которая не стихала до самого вечера.

По Карла Маркса проходили хорошо знакомые автобусные маршруты. Автобусы 1 и 13 везли пассажиров мимо железнодорожной поликлиники, где всегда чувствовался запах лекарств, а затем — к парку имени Якутова, любимому месту отдыха нескольких поколений уфимцев. Тогда это был не просто транспорт — он соединял районы, судьбы и повседневную жизнь города.

Ещё одной привычной частью улицы были солдаты. Военные колонны часто проходили строем по Карла Маркса, направляясь на занятия, в столовую или баню. Их чеканный шаг, ровный строй и песни создавали особую атмосферу.

До сих пор помню знакомые слова:

«А у солдата выходной, пуговицы в ряд»

Для нас, мальчишек, это было настоящее зрелище. Казалось, что армейская жизнь проходит совсем рядом.

Именно здесь находился магазин, где я впервые самостоятельно купил мороженое за три копейки. Совсем рядом работал гастроном, а чуть дальше располагались магазины «Зифа» и «Ирандык». В первом продавали женскую одежду, во втором — мужскую. Для взрослых это были обычные магазины, а для детей — маленькое путешествие в мир взрослых.

Но Карла Маркса для меня — это прежде всего дворы моего детства.

За высоким металлическим забором находился детский сад 33. Здесь прошли мои первые годы. Почти каждый вечер я ждал родителей, всматриваясь в калитку. Тогда время тянулось бесконечно долго, а их появление становилось самым радостным событием дня.

Неподалёку находится школа 1 — одна из старейших школ Уфы. С ней связана история моей семьи. Здесь училась моя тётя Луара. В её классе учился будущий лидер группы «ДДТ» Юрий Шевчук. Позже выпускником этой школы стал и мой отец.

Эти дворы, школьные стены и старые дома — не просто воспоминания. Именно здесь появились мои первые мечты, первые открытия и чувство любви к родному городу.

Интересные факты:

Детский сад 33 был построен в 1950-х годах как ведомственный детский сад для детей работников железной дороги.

Школа 1 — одна из старейших школ Уфы. Её история начинается ещё в конце XIX века.

В школе 1 учился Юрий Шевчук — будущий лидер рок-группы «ДДТ».

Район улицы Карла Маркса долгое время считался одним из самых интеллигентных районов города. Здесь жили преподаватели, инженеры, врачи и музыканты.

Сегодня:

Сегодня улица Карла Маркса изменилась вместе с Уфой. На месте многих советских магазинов появились кофейни, пекарни, аптеки, банки и современные офисы. Обновились фасады зданий, появились новые вывески, а вместо очередей — терминалы безналичной оплаты.

Железнодорожная поликлиника продолжает работать уже как современный медицинский центр. Парк имени Якутова остаётся одним из самых любимых мест отдыха горожан. Здесь появились благоустроенные аллеи, велодорожки и новые общественные пространства.

Изменилась и сама улица. После реконструкции расширили проезжую часть, обновили перекрёстки и улучшили организацию движения. Сегодня Карла Маркса остаётся одной из главных магистралей города, сохранив при этом свою ис-

торическую атмосферу.

Заключение

Улица Карла Маркса прошла длинный путь вместе с Уфой. Она менялась, выросла и становилась современнее. Но для меня она навсегда останется улицей детства — местом, где впервые было куплено мороженое за три копейки, где звучали строевые песни солдат, где каждый двор хранит собственную историю.

Иногда достаточно пройти по знакомому тротуару, чтобы снова почувствовать себя мальчишкой, который спешит домой, крепко сжимая в руке холодное мороженое. И тогда понимаешь: некоторые улицы невозможно покинуть. Они навсегда остаются частью нашей памяти.

Посвящается Арсланову Роберту Мутигулловичу

Для меня Роберт Мутигуллович был самым лучшим дедушкой на свете. Он был моей гордостью и примером для подражания. Несмотря на строгий и справедливый характер, он всегда оставался рассудительным и в большинстве случаев добрым. Он учил меня поступать по совести и правильно оценивать свои действия. Часто мы играли в шахматы, и эти моменты стали для меня особенными.

Во время летних каникул мы с дедушкой ездили на его малую родину – в Хайбулинский район, где проводили замечательное время. Мы рыбачили на реке Сакмара, наслаждались природой, отдыхали. В Акьяр мы добирались на самолёте Ан-24 из Уфы – эти перелёты стали для меня первыми в жизни. Я до сих пор помню бескрайние поля, степи и ковыль, увиденные из иллюминатора. Вспоминаю и гору в деревне Янтышево, где мы мечтали построить дом, а также наши посещения сабантуя.

Роберт Мутигуллович любил меня и хотел, чтобы я вырос достойным человеком и продолжателем рода Арслановых. Он часто рассказывал мне о своей нелёгкой молодости, делился интересными историями из жизни. Он вспоминал, как в детстве любил холодную ключевую воду из родника

или колодца, которая буквально обжигала зубы, и как далеко приходилось добираться до школы. Я всегда знал, что в трудной ситуации он бы мне помог, дав надёжный и мудрый совет. Благодаря ему я перенял культуру, язык и любовь к своей родине – Республике Башкортостан.

8 апреля этого года ему бы исполнился 91 год.

Мой дедушка, Арсланов Роберт Мутигуллович, родился 8 апреля 1934 года в деревне Янтышево Хайбулинского района. В 1956–1959 годах работал на комсомольской должности. Он был майором запаса, заслуженным работником народного образования Республики Башкортостан. Окончил Башкирский педагогический институт имени К. А. Тимирязева, Высшую партийную школу при ЦК КПСС, а также Высшие офицерские курсы «Выстрел» имени Маршала Советского Союза Б. М. Шапошникова (г. Солнечногорск, 1978).

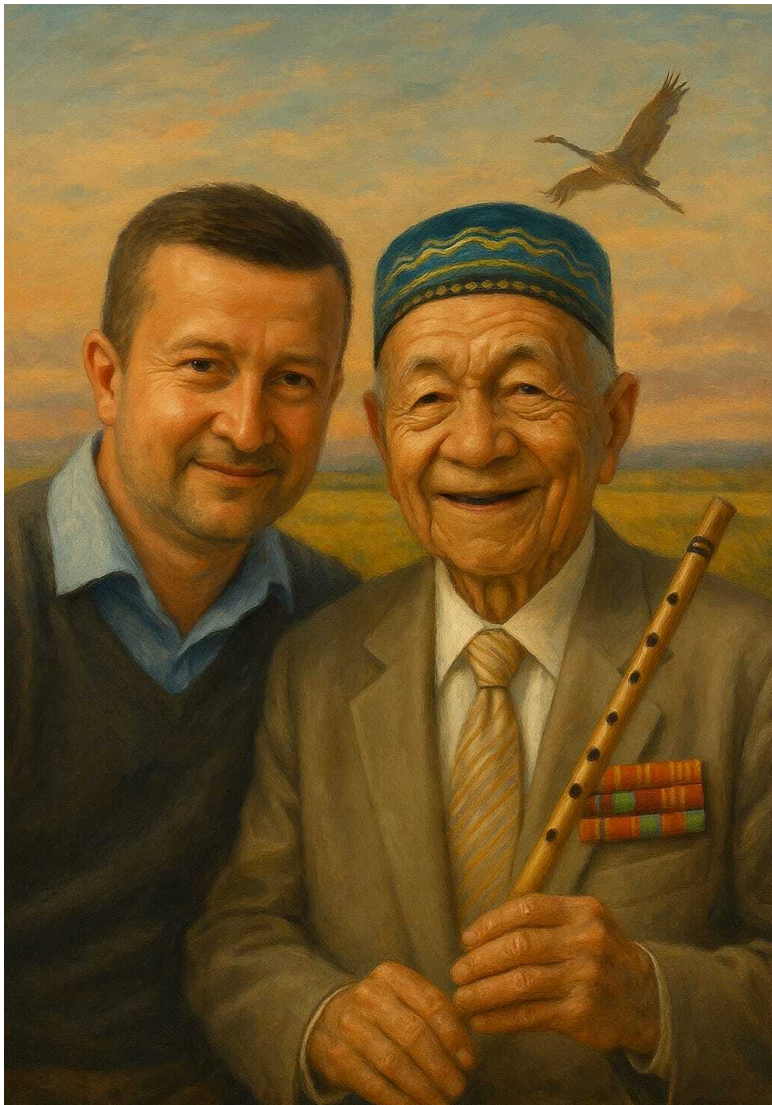
С 1955 года работал в Хайбуллинском районе: сначала учителем, а затем, в 1962–1967 годах, директором Акъярской средней школы. В 1956 году был назначен вторым, а с 1958 года – первым секретарём райкома ВЛКСМ, а в 1959 году – секретарём по идеологии райкома КПСС. С 1967 года работал директором Башкирского республиканского института усовершенствования учителей, с 1970 года – инструктором орготдела Башкирского обкома КПСС, с 1975 года – председателем исполкома Кугарчинского райсовета народных депутатов (с. Мраково), с 1978 года – заместителем министра народного образования БАССР. В 1990–1996 годах

был проректором Башкирского института повышения квалификации работников образования, а в 1997–2000 годах – заведующим редакцией научного издательства «Башкирская энциклопедия» (г. Уфа).

Он был автором около 20 научных работ, а также председателем Совета ветеранов Башкирского института развития образования с 1997 года. Его вклад в образование и общественную деятельность отмечен многочисленными наградами: орденом Дружбы народов (1987), орденом «Знак Почёта» (1967), медалями «За доблестный труд. В ознаменование 100-летия со дня рождения В. И. Ленина» (1970), «Ветеран труда» (1982), «За освоение целинных земель» (1957). Он также был награждён знаками ЦК ВЛКСМ «50 лет ВЛКСМ» (1968), «Отличник народного просвещения РСФСР» (1981), «Отличник просвещения СССР» (1989), «Отличник образования Республики Башкортостан» (1994), а также почётными грамотами Президиума Верховного Совета БАССР (1984), Министерства просвещения БАССР (1967) и Министерства просвещения РСФСР (1984).

Его книги:

«Свой путь в жизни» / Р. М. Арсланов. – Уфа: Мир печати, 2017 г.

Когда звучат башкирские песни

Я люблю их с детства. Тогда я ещё не знал, что именно люблю — слова, мелодию или то состояние, в которое они погружали. Я просто жил рядом с этими песнями, не отделяя их от дома, дороги, голосов близких. Они были частью воздуха. Иногда — со звуком курая, иногда — с сухими, ритмичными ударами кубыза, которые словно удерживали землю под ногами.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.